

ПРИЧИНЫ УСПЕХА САМОЗВАНЧЕСТВА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА: харизма, везение или авантюризм?

И.К. Щербакова

Аннотация. Данная работа посвящена изучению многогранного феномена самозванчества, кульминация которого пришлась в России на период Смутного времени. Целью исследования является изучение особенностей и условий появления и закрепления самозванцев на русском престоле, а также рассмотрение факторов и причин распространения данного явления на русской почве. Задача автора настоящей статьи — проанализировать исторические, психологические, политологические аспекты обретения самозванцами власти, а также их взаимоотношения с разными слоями русского общества в конце XVI – начале XVII столетия. В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа механизма самозванчества, а также исторических портретов и судеб самозванцев в России с точки зрения различных социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: смутное время, самозванчество, авантюризм, харизма, интервенция, интрига, легитимность власти, Лжедмитрий I, Марина Мнишек, Лжедмитрий II.

Для цитирования: Щербакова И.К. Причины успеха самозванчества в России в начале XVII века: харизма, везение или авантюризм? // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 351–365. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-351-365

REASONS FOR THE SUCCESS OF IMPOSTURE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XVII CENTURY: Charisma, Luck or Adventurism?

I.K. Shcherbakova

Abstract. The article deals with the study of the multifaceted phenomenon of imposture, the culmination of which occurred in Russia during the Time of Troubles. The purpose of the study is to examine the features and conditions of the emergence and consolidation of impostors on the Russian throne, as well as to consider the factors and causes of the spread of this phenomenon in Russia. The author's task in this article is to analyze the historical, psychological, political aspects of obtaining power by the impostors, as well as their

© Щербакова И.К., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

relationship with different strata of Russian society in the late XVI – early XVII century. The article attempts to comprehensively analyze the mechanism of imposture, as well as historical portraits and fates of impostors in Russia from the point of view of various social and humanitarian sciences.

Keywords: *time of Troubles, imposture, adventurism, charisma, intervention, intrigue, legitimacy of power, False Dmitry I, Marina Mnishek, False Dmitry II.*

Cite as: Shcherbakova I.K. Reasons for the Success of Imposture in Russia at the Beginning of the XVII Century: Charisma, Luck or Adventurism? *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 351–365. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-351-365

Введение

Рубеж конца XVI – начала XVII в. в России оставил много интересных фактов, событий и загадок для изучения и анализа историками: это и пресечение династии Рюриковичей, и великий голод 1601–1603 гг., и множество смертей государственных деятелей, произошедших при невыясненных обстоятельствах, и польско-шведская интервенция. И как тут было не появиться еще одному новому явлению — самозванчеству, почва для которого практически была подготовлена вышеперечисленными событиями.

Описывая смуту как период, лежащий между историей Московского царства и России, В.О. Ключевский так отозвался об этом времени: «Смутная эпоха самозванцев является переходным временем на рубеже двух смежных периодов, будучи связана с предшествующим своими причинами, а с последующим — своими следствиями» [1, с. 389].

Исследователи давно заметили, что обычно самозванчество возникает после падения очень сильной централизованной власти. Так было и в период смутного времени, и в эпоху падения монархии в России в 1917 году, и в разные периоды во многих других странах мира. О личностях, присвоивших себе чужие (чаще всего царственные) имена, известно и написано многое. Историю самозванчества

можно вести примерно со второго тысячелетия до н. э. Несколько самозванцев выдавали себя за персидских царей еще в VIII–III вв. до н. э., в XVI в. в Португалии появились самозванцы под именем Лжесебастьянов, в Молдавии — под именем Богданов. На Руси же с IX по XVI вв. не было распространено самозванческих интриг, и первые слухи о живом царевиче были связаны с прекращением династии Рюриковичей и опалой представителей другой династии — Романовых.

Обратимся к определению самого понятия. Самозванчество — это явление или феномен, имеющий не только исторические, религиозно-культурные, но и психологические причины, вызванный отсутствием законной легитимной власти и желанием интриганов получить эту самую власть. Появление данного явления по-разному оценивается отечественными историками: В.О. Ключевский подчеркивает важную роль московского боярства в деле появления первого самозванца и связывает это с враждебностью бояр по отношению к Борису Годунову [там же]. Некоторые историки связывают появление и распространение данного явления с доверчивостью русского народа. Так, историк В.К. Чистов, изучая феномен самозванчества в Русском государстве в XVII–XVIII вв., пришел к выводу, что самозванцы, выдававшие себя за рус-

ского царевича, использовали для усиления своего положения «социально-утопические легенды», которые укрепляли их позиции среди народных масс [2].

Что касается степени научной разработанности темы, то необходимо подчеркнуть, что событиям смутного времени в целом посвящен большой ряд исследований как в дореволюционной [1; 3–8], советской [9; 10], так и в современной историографии [11; 12]. В дореволюционной историографии поворотным этапом в изучении Смутного времени стали труды В.О. Ключевского, на концепцию которого опирался С.Ф. Платонов в своей трактовке Смуты. Именно В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов сформулировали концепцию Смуты как масштабного социального конфликта. Среди новейших исследований можно назвать работы Г.М. Левицкого [13], Д.В. Лисейцева [14], Л.Е. Морозовой [15–19], Е.В. Пчелова [20; 21] и др.

Однако в ряде работ, посвященных феномену самозванчества, до сих пор встречается ряд неточностей и ошибок. Много сведений о данном периоде содержится и в сочинениях иностранцев, побывавших в России в конце XVI – начале XVII в., но они требуют тщательной проверки, поскольку часто содержат факты или мнения, основанные на слухах или придуманные авторами [22; 23]. Наиболее достоверную информацию по исследуемой теме, безусловно, содержат архивные материалы, большая часть которых уже опубликована в различных изданиях [24; 25]. Интересным источником по данной теме являются родословные и разрядные книги [26; 27]. Также необходимо отметить автобиографические источники, среди которых особое место занимают дневник и письма Марины Мнишек, адресованные Сигизмунду III, а также гетману Жолкевскому [28]. Помимо исторических источников

феномен самозванчества представлен в психологической и в политологической литературе. В частности, применительно к данной теме относятся работы, посвященные проблеме легитимности и легитимации власти, а также психологической составляющей власти и портретам ее лидеров [29; 30]. Исходя из вышесказанного, комплексный анализ множества факторов и условий появления и распространения самозванчества в России, а также чаще всего трагических судеб самих самозванцев и станет предметом рассмотрения настоящего исследования.

Харизма и везение как главные слагаемые успеха самозванцев в России

Что могло обеспечить пусть и непродолжительный, но все же яркий успех самозванцев в России: случайное стечение обстоятельств, харизматические черты и авантюрный склад их характеров или простое везение? Обратимся к каждому из составляющих этого успеха. Макс Вебер в одном из своих трудов дал следующее определение харизмы: «Харизмой следует назвать качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Вопрос о признании харизмы психологически является целиком личной, основанной на вере, склонностью, рожденной из воодушевления или нужды и надежды» [29, с. 139].

Как известно, харизматическое господство, т. е. оправдание авторитетом «чудесного дара», М. Вебер называл одним из трех типов властвования (наряду с традиционным) на основе авторитета исконных нравов и извечного закона и легальным в силу авторитета рациональных

установлений и правил [30]. И, по его мнению, именно эти три критерия легитимности власти и являются внутренними основаниями господства людей над людьми. Что же касается легитимности, то ее обычно трактуют как результат процесса легитимации, в ходе которого авторитет приобретает признание со стороны подвластных, или все участники политических отношений признают (вырабатывают) общие стандарты (мерила) власти в качестве символического посредника.

Основной момент, на который хотелось обратить внимание, это то, что при любых трактовках легитимности ключевое значение приобретает вера в право того или иного политического лидера на властвование.

М. Вебер в своей работе «Хозяйство и общество» писал: «Ни один пророк не считает свое качество независимым от мнения массы о нем; при этом, если доказательства долго не приходят, то это свидетельствует о том, что одаренный харизматической милостью покинут своим богом или потерял свою магическую или героическую силу; если же продолжительное время ему изменяет успех, то его харизматический авторитет может исчезнуть вовсе» [29, с. 140].

В соответствии с вышесказанным можно ли считать, например, что Лжедмитрий I потерял свою магическую силу в 1606 году и навлек на себя недовольство бояр и народа? Или заговор против него был вызван обстоятельствами, целиком и полностью зависящими от его собственных действий? Думается, что это именно так. Ведь именно демонстративное несоблюдение русских обрядов, обычаев, традиций, пренебрежительное отношение к православным религиозным нормам, несоблюдение постов, невыполнение своих обещаний, а отнюдь не потеря магической или героической силы, вызва-

ли недовольство разных слоев русского общества, среди которых и созрел заговор против Лжедмитрия I. Как писал о Лжедмитрии I в лекции, посвященной смутному времени, С.Ф. Платонов, «не умел он держать себя по православному обычаю, не посещал храмов, любил одеваться по-польски, по-польски же одевал и свою стражу, водился с полякам и очень их жаловал; он него пахло ненавистным Москве латинством и Польшей» [6, с. 271].

Поговорим о втором слагаемом успеха самозванцев — везении. Сопровождало ли оно, например, Григория Отрепьева (по одной из версий, скрывающегося под именем Лжедмитрия I) на всем протяжении его пути к царскому престолу? Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, первый этап его появления на исторической сцене был отнюдь не радостным. В 1600 году в Москве был разоблачен заговор Романовых, направленный на низвержение существующего царя. Многие из них попали в опалу: Федор Никитич Романов был пострижен в монахи (будущий патриарх Филарет); подобная участь постигла и Ксению Романову. А некоторым участникам удалось бежать из Москвы, в их числе был и дьяк расположенного в Кремле Чудова монастыря Григорий Отрепьев. С другой стороны, иначе как везением нельзя считать спасение от расправы со стороны властей над участниками заговора, а также помощь, предложенную ему со стороны польского воеводы Юрия (Ежи) Мнишка, в ответ на ряд обещаний со стороны первого самозванца.

Везение тесно переплетается со случаем. И в этой связи необходимо отметить, что С.Ф. Платонов в разделе «Смута в Московском государстве», сравнивая отечественную и европейскую смуту (в период французской революции), упоминает о событиях в русском государстве, от-

мечает: «Началась она явлением совсем случайным — прекращением династии, а закончилась восстановлением прежних форм государственного и общественного строя и в своих перипетиях представляет массу случайного и труднообъяснимого» [7, с. 240]. По его мнению, причины смуты лежали столько же в самом московском обществе, сколько и вне его. «В значительной степени наша смута зависела от случайных обстоятельств, но то, что она совсем не была неожиданным для современников фактом, говорят нам некоторые показания Флетчера» [там же, с. 240]. Так, в своей книге о России (*Oh the Russian Common Wealth*), изданной в Лондоне в 1591 году, он предсказывает скорейшее пресечение царской династии (а сделано это за семь лет до смерти Федора Иоанновича) и предупреждает о серьезном перевороте в русском царстве [23]. Таким образом, в уме образованного и наблюдательного англичанина за много лет до смуты сложилось представление о болезненных процессах, происходящих в русском обществе на рубеже XVI–XVII вв., и возможном результате этих процессов — общественных беспорядках.

Авантюризм: положительные и отрицательные свойства данного явления на русской почве

Третье слагаемое успеха самозванцев — это авантюризм. Есть разные определения данного понятия, трактующие его и как «приключение», и «как страсть к новым впечатлениям», но мы будем считать авантюризмом склонность к рискованным похождениям или неблагоприятным поступкам. Именно такое определение дается в толковом словаре Д.Н. Ушакова [31, с. 10]. Иными словами, авантюристами можно назвать людей, склонных к беспринципным поступкам ради достижения легкой выгоды.

Таковыми можно считать и Лжедмитрия I, и Лжедмитрия II, а также их «законную супругу» Марину Мнишек.

Л.Е. Морозова в своих работах так пишет о Лжедмитрии I: «С удивительной легкостью авантюрист и обманщик Лжедмитрий получил царский престол» [19, с. 384], «Русские люди сами с радостью бросились в объятия наглого лжеца» [18, с. 219–220].

А вот С.Ф. Платонов, описывая характер Лжедмитрия, напротив, отмечал отсутствие точного расчета в его поступках, при этом отдавая должное его уму: «Брошенный судьбой в Польшу, умный и перемчивый, без тени расчета в своих поступках, он понахватался в Польше внешней «цивилизации», кое-чему научился и, попав на престол, проявил при нем любовь и к Польше, и к науке, и к широким политическим замыслам вместе со вкусами степного гуляки; но при этом в этой странной натуре был замечен некоторый ум, который проявлялся и во внутренних делах, и во внешней политике» [4, с. 271].

Однако, несмотря на его ум и предприимчивость, не все поверили в истинность его царского происхождения, и поэтому для надежной опоры своего трона он решил приблизить к себе всех мнимых родственников Нагих и, прежде всего, своей мнимой матери (Марфы-Марии Нагой), которая находилась в тот момент в Горичком монастыре (а по некоторым данным — в Никольском монастыре, куда ее переселил Борис Годунов). В итоге оказалось, что их связывал друг с другом взаимный интерес, т. к. Мария была в тот момент еще молодой женщиной, и, признав в лжецаревиче сына, она неизменно возвращала себе статус царицы-матери и получала возможность переехать из стен унылого монастыря в Кремль. По одним данным разыскать Марию Нагую Лжедмитрию помог ее дальний родственник Семен Иванович

Шапикин, после беседы с которым инокиня Марфа согласилась признать в самозванце сына [32]; по другим — молодому князю М.В. Скопин-Шуйскому было поручено с почетом привезти Марфу Федоровну в Москву [19].

При этом помимо авантюрных наклонностей Дмитрий использовал и психологические приемы. Не случайно, что его встреча с матерью 17 июля 1605 года в селе Тайнинском недалеко от Москвы состоялась именно публично. Л.Е. Морозова в своей работе «Женщины и власть в Московском царстве XV – начала XVII в.» так описывает их встречу: «Тысячи москвичей были приглашены на нее в качестве зрителей, а Лжедмитрий и Мария оказались прекрасными актерами, они бросились в объятия друг друга и зарыдали» [там же, с. 386]. И этот спектакль имел огромный пропагандистский эффект.

Также разнятся и мнения историков относительно причин, по которым Мария Нагая согласилась признать в Лжедмитрии своего сына. «Она знала, конечно, что он не был ее сыном, но, как сама объясняла впоследствии, боялась, что ее убьют, если она откажется признать его», — упоминал Г. Вернадский [33, с. 122].

Вероятно, участь других дальних родственников могла повлиять на решение Марии Нагой. Речь идет, например, о княгине Ефросиньи Старицкой, матери Владимира Андреевича Старицкого (возможного кандидата на московский престол во время болезни Ивана IV), пытавшейся поднять бунт против власти и окончившей свои дни в Горицком монастыре в качестве монахини (в том самом, куда была сослана сама Мария Нагая), и, по некоторым данным, утопленной в реке Шексне в октябре 1569 года вместе с сопровождавшими ее монахинями, в числе которых была и невестка царя великая княгиня Юлиания,

жена его родного брата Юрия. Об этой казни сообщает и князь Андрей Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» [34].

Ряд других исследователей, напротив, считает, что ее признание было вызвано не испугом или страхом, а желанием изменить свое положение. Так, Л.Е. Морозова упоминает, что после признания Лжедмитрий хорошо отблагодарил Марию. «Для нее в кремлевском Вознесенском монастыре были выстроены хоромы, поставлены слуги, выделили значительные средства на содержание. Всю ее родню — Нагих — вызволили из ссылки и пригласили к царскому двору, шестеро из них получили боярские чины», — упоминает автор [19, с. 386].

Интересно, что и в Москву самозванец въезжал одновременно с каретой своей матери. И в Успенском соборе состоялась коронация в срок — 30 июля. Безусловно, после коронации новоиспеченный государь должен был отблагодарить своих благодетелей за царский престол. И он щедро раздавал награды: верные самозванцу дворяне получили лавки в Москве, Федор Мстиславский и прощенный Василий Шуйский — вотчины, а Богдану Бельскому были возвращены все старые вотчины, конфискованные еще Борисом Годуновым. Кстати, возвращение В. Шуйского из ссылки было недальновидным поступком, который потом обернется заговором Шуйских против самого же Лжедмитрия. Но при всем вышесказанном Лжедмитрий понимал, что представители русской знати не могли являться его прочной основой. В любой момент они могли предать его, как когда-то предали Годуновых. Поэтому не случайно самозванец сделал ставку именно на поляков. На покупку даров для невесты и ее родственников была потрачена значительная часть царской казны [там же].

Однако польский король Сигизмунд и польский воевода Ежи Мнишек, являясь самыми большими кредиторами Лжедмитрия, ждали большего — русских земель и подготовки совместной войны со Швецией. Но даже в этой ситуации авантюризм Лжедмитрия I сыграл свою роль и помог ему пусть и на непродолжительный период времени. Наш самозванец решил переиграть всех: и польского короля, и польских панов и даже Римского папу. Сигизмунд составил грамоту шведскому королю Карлу IX о свержении его с престола от имени великого князя московского Дмитрия. А тот, понимая, что передача Польше русских земель и развязывание войны со Швецией неизбежно приведет к перевороту в Москве, придрался к титулу в королевской грамоте и, в свою очередь, поставил в конце послания подпись: «Император Дмитрий». Папе в сложившихся условиях осталось поверить в искренность самозванца. И главным инструментом в этой борьбе должна была стать дочь польского воеводы — Марина Мнишек. Таким образом, находясь буквально на пороховой бочке, используя не что иное, как авантюрные наклонности, наш Лжедмитрий через сватовство к дочери знатного польского воеводы Марине Мнишек получил не только ее руку и сердце, но и русский престол. Однако женитьба на Марине не только не помогла укрепить ему свою власть, но, напротив, способствовала его скорейшему свержению. Огромная для России свита царицы, процедура ее венчания на царство (о которой речь пойдет чуть ниже), пренебрежительное отношение новоиспеченных царя и царицы к обрядам и обычаям православной церкви — все эти факторы привели к заговору против Лжедмитрия, в результате которого 17 мая 1606 года он был свергнут и убит. Как утверждал С.Ф. Платонов, «он стал как бы оруди-

ем, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве» [4, с. 272]. Его харизма и везение быстро иссякли, а авантюризм в короткий срок стал так всем очевиден, что его попытки укрепить престол традиционными способами ему не помогли. Главным фактором, ускорившим его быстрое падение, стал тот момент, что он не являлся легитимным правителем, а занял престол с помощью хитрости и обмана.

Марина Мнишек — трагическая судьба несостоявшейся русской царицы

Судьба Марины Мнишек — не что иное, как подтверждение того, что авантюризм как склонность к рискованным приключениям или неблагоприятным поступкам приводит зачастую к самым печальным последствиям. И, к сожалению, для Марины Мнишек это отразилось не только на ее судьбе, но и коснулось участи ее малолетнего сына Ивана, который был повешен в начале царствования Михаила Романова. Марина не общалась с представителем кого-либо из династии Рюриковичей, однако ее появление на русском престоле и коронация с Лжедмитрием I, а затем и связь со вторым самозванцем — Лжедмитрием II — делает ее не менее важной фигурой в период смутного времени.

Жизнь Марины условно можно разделить на три промежутка времени: до трона, девять дней правления в России и восемь лет напрасных попыток снова вернуться на московский престол [35]. История как бы сама несколько раз подсказывала ей о необходимости покинуть Российское царство и вернуться в Польское. Однако именно авантюрный склад характера и, возможно,

детская наивная вера в свое божественное предопределение мешали ей принять разумное и по-настоящему правильное в сложившихся обстоятельствах решение. Есть мнение, что польский король и папа Римский воспринимали ее как героиню, «способную привести в лоно римской церкви народ московский» [36].

10 ноября 1605 года в Кракове прошло заочное обручение Дмитрия с Мариной Мнишек в присутствии польского короля. Благословляя Марину на брак с Дмитрием, Сигизмунд дал ей напутствие, чтобы она не забывала о польском происхождении, получении воспитания и образования в Польше, сохранении польских обычаев и «приязни с народом польским» [там же]. Именно Рим стоял горой за прекрасную Марину Мнишек и заставлял самозванца форсировать подготовку к браку с Мариной. Необходимо отметить, что здесь был обоюдоострый интерес: не только Лжедмитрию нужна была помощь польского воеводы, но и Юрию Мнишку необходима была денежная помощь со стороны самозванца. Несмотря на приказ царя Дмитрия воеводе немедленно отправиться в Москву с дочерью, Юрий медлил и использовал разные способы манипуляции: например, узнав о связи с Лжедмитрием с Ксенией Годуновой, Мнишек потребовал отдалить ее от себя, и Отрепьев вынужден был уступить (Ксения была отправлена на Белоозеро в Воскресенский монастырь, где была пострижена в монахини под именем Ольги).

Упоминая об авантюрных наклонностях как Лжедмитрия, так и Марины Мнишек, и подчеркивая, что до коронации на престол они помогали им обойти какие-то нюансы, во время и после коронации эти наклонности произвели обратный эффект. Необходимо напомнить, что процедура причастия в России, есте-

ственно, должна была состояться с соблюдением православных обрядов (речь идет о причастии вином и хлебом и необходимостью троекратного погружения в воду). Лжедмитрий и Юрий Мнишек за несколько месяцев до венчания отправили письмо папе римскому с просьбой о разрешении причащаться не только хлебом, как это принято у католиков, но и вином. И Павел V, оказавшись в затруднительном положении, после голосования кардиналов отправил письмо, запрещающее причастие вином и хлебом.

И если по первому пункту в вопросах причастия резко выступило католическое духовенство, то по второму вопросу — русское. Например, казанский митрополит Гермоген и епископ коломенский Иосааф потребовали вторичного погружения крещения католички. Однако Лжедмитрий и здесь нашел возможность избавить невесту от этого обычая: он просто отправил Гермогена в ссылку. Остальным же было достаточно миропомазания.

На этом противостояние польских и русских обрядов не закончилось, т. к. во время свадьбы Марина не приняла причастие по православному образцу, что полностью удовлетворило польских послов; но после окончания коронации под разными предлогами польские послы и иноземцы были выставлены из церкви, и патриарх Игнатий обвенчал царя с Мариной по православным канонам.

Безусловно, все вышеописанные факты при обряде венчания продолжались и в первый год их пребывания в качестве законных царя и царицы на русском троне, причем как со стороны Лжедмитрия, так и со стороны Марины. Но если получить престол им оказалось легко, то удержаться на нем они не смогли, вызвав раздражение и ненависть русского народа. Последовавший заговор привел к казни Лжедмитрия I, над телом которо-

го издевались и после его смерти. А вот Марина с Юрием при Василии Шуйском были сосланы в Ярославль. Однако и здесь они не считали дело проигранным и плели интриги. Марина в письмах своей родне клялась, что ее супруг не убит, а Юрий уверял, что получил несколько писем от своего зятя и удостоверять всех, что слышал почерк, и письма подлинны [28, с. 243].

Тушинский вор: взлет и падение второго Лжедмитрия

Появился еще один самозванец под уже известным именем Дмитрия, которому суждено было получить еще одно прозвище «Тушинский вор». 17 мая 1606 года сразу после заговора против Лжедмитрия I и даже его кончины уже стали распространяться слухи, что Дмитрий жив. И если в случае с Лжедмитрием I сама самозванческая интрига принадлежала именно Григорию Отрепьеву (хотя и не без сторонней польской помощи), то во втором случае год искали нового самозванца. А потому историки того времени не обладали достоверными сведениями о личности того, кто скрывался под именем Лжедмитрия II. По одним сведениям это мог быть сын стародубского стрельца, по другим — поповский сын Иван Веревкин из Северной столицы, высказывались даже мнения, что это мог быть сын князя Курбского.

А в это время в России с мая 1606 года по май 1607 года шла гражданская война под знаменами спасшегося царя, но без самого самозванца. В мае 1607 года в городе Пропойске, который позднее был переименован в Славгород, был задержан человек, назвавший себя Андреем Андреевичем Нагим, родственником убитого царя Дмитрия, который сказал, что сам Дмитрий, скрываясь от преследований Шуйского, бежал в Польшу.

По другим данным этот «боярин Нагой» и объявил себя чудесно спасшимся государем, и в Стародубе начал формировать свой отряд [36]. В сентябре Лжедмитрий II двинулся в поход на Москву, это было трехтысячное войско, в составе которого теперь находился еще и сподвижник И. Болотникова казачий атаман Иван Заруцкий.

Тем временем в Москве 25 мая 1608 года новый государь Василий Шуйский заключил с польским королем Сигизмундом перемирие на три года и одиннадцать месяцев, по условиям которого они выдавали Речи Посполитой всех поляков, поддерживавших самозванца, в ответ на это польское правительство обещало впредь никаким самозванцам больше не верить и за них не вступаться. Согласно условиям данного договора Мнишков и других поляков под конвоем трех тысяч человек отправили в Польшу.

Однако еще в Ярославле Марине стало известно о новом самозванце, которому Юрий Мнишек отправил послание о своей помощи, а тот ему в свою очередь обещал, что «сразу по овладении Москвой выдаст ему триста тысяч рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами» [32, с. 279]. Через неделю состоялся торжественный приезд Марины в Тушино, а в сентябре 1608 года — тайное венчание Марины и Лжедмитрия II уже по католическому обряду. Ряд историков оспаривают факт самого венчания, но бесспорным остается момент, что теперь в Тушинском лагере были уже и новый царь, и новая царица. Тушино стало второй столицей России. Здесь Лжедмитрий II произвел Филарета в патриархи, сюда же приехали и родственники Годуновых; новому царю присягнули и жители Тушино. При этом в подлинность царя никто не верил. С.М. Соловьев писал:

«Крестьяне собрались для того, чтобы больше не быть крестьянином, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком; подъячий — чтобы сделаться думным дворянином, наконец, люди родовитые, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным отношениям когда-либо или скоро подвинуться к боярству в Москве, шли в Тушино, где образовался особый двор в противоположность двору московскому» [5, с. 314].

А Казимир Валишевский в своем очерке «Смутное время» больше всего осудил в период Смуты русскую церковь: «Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась очертя голову в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга должности, почести и доходы ценой подкупа и клеветнических изветов. Во всем царил анархия: в политике, в обществе, в религии, в семейной жизни. Смута была в полном разгаре» [8, с. 22].

Лжедмитрию II от имени короля были предложены большие имения в Польше, но он ответил, что «предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля», а Марина прибавила: «Пусть король уступит царю Краков, тогда царь подарит ему взамен Варшаву» [32, с. 297]. Весь этот спор напоминает нам известную сказку А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» и слова старухи: «Не хочу быть столбовой дворянкой, хочу быть владычицей морскою». Как известно, старуху ждала участь у разбитого корыта.

Подобным образом завершилась «сказка» и Марины Мнишек. 10 декабря 1610 года Тушинский вор был убит, Марина через несколько дней родила сына, которого назвали Иваном. Петр Сапега предложил ей с ребенком перейти под его покровительство, но она высокомерно от-

казалась, предпочитая быть или московской царицей, или никем. Как известно, история не терпит сослогательного наклонения. Неизвестно, как сложилась бы ее судьба, прими она подобное предложение, но уроков из своей собственной истории Марина не извлекла, что бумерангом отразилось уже на трагической гибели ее ребенка.

Заключение

Комплексный анализ феномена самозванчества в России в начале XVII в. приводит нас к выводам, что это явление было вызвано множеством причин: объективных, среди которых можно назвать смерть Дмитрия в 1591 году, а также Федора Иоановича в 1598 году, положивших конец законной царской династии; субъективных: личностные качества и авантюрный склад характеров самозванцев, желающих занять царский престол; а также случайных, среди которых многие исследователи называют голод 1601–1603 гг. и считают его началом конца династии Годуновых. И даже началом смуты ряд историков считает не 1598 год — год смерти Федора Иоановича, как пресечение династии Рюриковичей, а именно неурожай 1601–1603 гг. и невозможность Бориса Годунова справиться с великим голодом. Вот здесь, действительно, произошло случайное стечение обстоятельств: два голодных года подряд. И если в первый год крестьянам еще как-то можно было выжить на старых запасах, то уже во второй — нет.

Причины смуты по-разному трактуются нашими историками. Так, В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов выдвигали на первый план социальные причины Смуты, утверждая, что за «взлетами» и «падениями» самозванцев стояло боярство и городское дворянство как представители высшей аристократии. А вот

С.М Соловьев видел иные причины разразившейся смуты: это «дурное состояние народной нравственности», выразившееся в борьбе московских государей с боярством, а также «чрезмерное развитие казачества с его противогосударственными устремлениями» [5, с. 395].

Если не принимать во внимание психологические, случайные и субъективные факторы, думается, что закономерным объяснением всех событий, нарастающих как снежный ком (появление Лжедмитрия I, неожиданная смерть Бориса Годунова, убийство его жены и сына Федора, поиск и появление второго самозванца — Лжедмитрия II), с 1605 по 1610 гг. было отсутствие законной власти на русском престоле. И несмотря на то, что Борис Годунов был избран на Земском соборе после смерти Федора Иоанновича, т. е., казалось бы, был вполне легитимным правителем (как упомянул в своей работе В.О. Ключевский, «и собор 1598 года выбирал его вполне сознательно и знал, за что выбирает» [1, с. 395]), тем не менее все народное недовольство вылилось именно на него как представителя «нецарской крови» (народ стал считать Бориса причиной даже природных явлений: засухи и голода, нехватки зерна и хлеба). Корни данного недовольства Борисом, причём не только простого народа, но и боярства, по мнению В.О. Ключевского, находились в том, что он решил править сам без целования креста (эту ошибку исправит потом Василий Шуйский) и без помощи Земского собора. Превратив Земский собор из случайного должностного собрания в постоянное народное представительство, он бы примирил оппозиционное боярство и, возможно, «отвратил бы беды, постигшие его с семьей и Россию, сделав его родоначальником новой династии» [там же, с. 399].

В связи с вышеописанной ситуацией в Москве любой самозванец, используя дар убеждения и другие психологические приемы, мог объявить себя правителем и убедить остальных в легитимности своего прихода или избрания. А идея появления самозванца, по мнению В.О. Ключевского, была высижена в гнезде бояр, «и хотя во всем винили поляков, но хлеб этот был заквашен в Москве, хотя и испечен в польской печке» [там же, с. 402].

Практически ни в одном случае самозванчества невозможно установить, что хотел самозванец для себя лично. В этом «альтруистическом иррационализме» и состояла главная тайна этого феномена. И ставкой в этой игре становились десятки и сотни тысяч человеческих жизней, и главное — жизнь самого «претендента», ведь самозванчество в разные времена и во многих странах рассматривалось как одно из тяжчайших государственных преступлений. Лжедмитрий I (он же Григорий Отрепьев), первый муж Марины, был убит зверским образом: несколько дней его труп лежал на Красной площади, оставленный на поругание народа, ему в руки была вложена волынка, а позднее его тело было сожжено, а прах заряжен в пушку, из которой выстрелили в сторону Польши. Лжедмитрий II, ее второй супруг, также был убит в 1610 году под Калугой. Жизнь третьего мужа Марины, атамана Ивана Заруцкого, в Москве также закончилась трагически посадением на кол. Несчастный сын Марины был повешен жестоким образом. И сама она не прожила долгую и счастливую жизнь. Возникает вопрос: так стоит ли этой участи желание оказаться на русском престоле или даже остаться в памяти народа? Думается, что нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ключевский, В.О.* Полный курс русской истории: в одной книге. М., 2009. 450 с.
2. *Чистов, К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. 339 с.
3. *Карамзин, Н.М.* История государства Российского: в 4 кн. Кн. 4. Ростов н/Д., 1997. 539 с.
4. *Платонов, С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. 642 с.
5. *Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. 4. Т. 7–8 // История России, вторая половина XVI в. – 1612 г. М.: Голос, 1994. 758 с.
6. *Платонов, С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999. 800 с.
7. *Валишевский, К.Ф.* Смутное время. М.: Рипол классик, 2005. 459 с.
8. *Скрынников, Л.Г.* Россия накануне смутного времени. М., 1980. 206 с.
9. *Зимин, А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. 452 с.
10. *Троицкий, С.М.* Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134–146.
11. *Свиридоненко, Д.Г.* Феномен самозванства в русской истории XVII–XVIII вв.: к вопросу о зарождении проблемы // Молодая наука — 2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020. С. 253–258.
12. *Минеева, Т.Г., Романовская, В.Б., Цыганов, В.И.* Феномен самозванства в истории Российского государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 211–213.
13. *Левицкий, Г.М.* Великое княжество Литовское. М., 2014. 248 с.
14. *Лисейцев, Д.В.* Борис Годунов. М.: Комсомольская правда, 2015. 95 с.
15. *Морозова, Л.Е.* Смута: ее герои, участники, жертвы. М.: Астрель, 2004. 580 с.
16. *Морозова, Л.Е.* Россия на пути из Смуты. М.: Наука, 2005. 467 с.
17. *Морозова, Л.Е.* Два царя: Федор и Борис. М.: Русское слово, 2012. 413 с.
18. *Морозова, Л.Е.* Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле; Киммерийский центр, 2017. 863 с.
19. *Морозова, Л.Е.* Женщины и власть в Московском царстве XV – начала XVII в. М., Мир, 2018. 544 с.
20. *Пчелов, Е.В.* История Рюриковичей. М.: Вече, 2012. 381 с.
21. *Пчелов, Е.В.* Романовы. История великой династии. М.: Вече, 2013. 397 с.
22. Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. 472 с.
23. *Fletcher, G.* Of the Russe Common Wealth. Or Manner of Governement by the Russe Emperor (Commonly Called the Emperour of Moscovia), with the Manners and Fashions of the People of That Countrey. London, 1591. 232 с.
24. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1813–1819. 612 с.
25. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. 1 / под ред. чл.-кор. акад. Н.А. Попова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890–1901.
26. *Буганов, В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. 263 с.
27. *Белокуров, С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. 311 с.
28. Дневник Марины Мнишек. СПб.: Изд-во Д.М. Буланина, 1995. 204 с.
29. Психология и психоанализ власти. Самара, 2016. 816 с.
30. *Weber, M.* Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie. – 5., rev. Aufl.-Tubingen: Mohr, 1980. Kap. III. Die Typen der Herrschaft. P. 122–176 (книга «Хозяйство и общество»). Ч. 1 «Экономика, общественное устройство и власть». Гл. III «Типы господства и их отношение к экономике» / пер. с нем. Р.П. Шпаковой // Социологические исследования. 1988. № 5.

31. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008. 959 с.
32. Широкоград, А.Б. Портреты смутного времени. Ростов н/Д.: Феникс, 2013. 539 с.
33. Вернадский, Г.В. Московское царство. М.: Ломоносов, 2019. 456 с.
34. Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные / под ред. Г.З. Кунцевича. СПб., 1914.
35. Щербакowa, И.К., Насонова, Е.В. Женщины самозванцев и их роль в истории России // Актуальные проблемы управления — 2018: материалы Международной научно-практической конференции. Вып. 3. М., 2019. С. 101–103.
36. Мордовцев, Д.Л. Лжедмитрий. М.: Вече, 2020. 320 с.

REFERENCES

1. Klyuchevskij, V.O. *Polnyj kurs russkoj istorii: v odnoj knige* [The Complete Course of Russian History: In One Book]. Moscow, 2009, 450 p. (in Russ.)
2. Chistov, K.V. *Russkie narodnye socialno-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the XVII–XIX Centuries]. Moscow, 1967, 339 p. (in Russ.)
3. Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 4 kn. Kn. 4* [The History of the Russian State: in 4 books, book 4]. Rostov-on-Don, 1997, 539 p. (in Russ.)
4. Platonov, S.F. *Oчерки по истории Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.* [Essays on the History of the Troubles in the Moscow State of the XVI–XVII Centuries]. Moscow, 1995, 642 p. (in Russ.)
5. Solovlev, S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen: v 15 kn. Kn. 4. T. 7–8* [History of Russia Since Ancient Times: in 15 books, book 4, vol. 7–8]. In: *Istoriya Rossii, vtoraya polovina XVI v. – 1612 g.* [History of Russia, the Second Half of the XVI Century – 1612]. Moscow, Golos, 1994, 758 p. (in Russ.)
6. Platonov, S.F. *Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii* [A Complete Course of Lectures on Russian History]. St. Petersburg, 1999, 800 p. (in Russ.)
7. Valishevskij, K.F. *Smutnoe vremya* [The Time of Troubles]. Moscow, Ripol klassik, 2005, 459 p. (in Russ.)
8. Skrynnikov, L.G. *Rossiya nakanune smutnogo vremeni* [Russia on the Eve of the Time of Troubles]. Moscow, 1980, 206 p. (in Russ.)
9. Zimin, A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni* [Russia on the Threshold of a New Time]. Moscow, 1972, 452 p. (in Russ.)
10. Troickij, S.M. *Samozvancy v Rossii v XVII–XVIII vv.* [Impostors in Russia in the XVII–XVIII Centuries], *Voprosy istorii = Questions of History*, 1969, No. 3, pp. 134–146. (in Russ.)
11. Sviridonenko, D.G. *Fenomen samozvanstva v russkoj istorii XVII–XVIII vv.: k voprosu o zarozhdenii problemy* [The Phenomenon of Imposture in Russian History of the XVII–XVIII Centuries: on the Question of the Origin of the Problem]. In: *Molodaya nauka — 2020* [Young Science — 2020: Proceedings of the VII All-Russian Student Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2020, pp. 253–258. (in Russ.)
12. Mineeva, T.G., Romanovskaya, V.B., Cyganov, V.I. *Fenomen samozvanstva v istorii Rossijskogo gosudarstva* [The Phenomenon of Imposture in the History of the Russian State], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2014, vol. 20, No. 6, pp. 211–213. (in Russ.)

13. Levickij, G.M. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe* [The Grand Duchy of Lithuania]. Moscow, 2014, 248 p. (in Russ.)
14. Lisejcev, D.V. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. Moscow, Komsomolskaya pravda, 2015, 95 p. (in Russ.)
15. Morozova, L.E. *Smuta: ee geroi, uchastniki, zhertyy* [Smuta: Her Heroes, Participants, Victims]. Moscow, Astrel, 2004, 580 p. (in Russ.)
16. Morozova, L.E. *Rossiya na puti iz Smuty* [Russia on the Way out of Turmoil]. Moscow, Nauka, 2005, 467 p. (in Russ.)
17. Morozova, L.E. *Dva carya: Fedor i Boris* [Two Tsars: Fedor and Boris]. Moscow, Russkoe slovo, 2012, 413 p. (in Russ.)
18. Morozova, L.E. *Smuta nachala XVII veka v sochineniyah sovremennikov* [The Troubles of The Beginning of the XVII Century in the Writings of Contemporaries]. Moscow, Kuchkovo pole, Kimmerijskij centr, 2017, 863 p. (in Russ.)
19. Morozova, L.E. *Zhenshchiny i vlast v Moskovskom carstve XV – nachala XVII v.* [Women and Power in the Muscovite Kingdom of the XV – Early XVII Centuries]. Moscow, Mir, 2018, 544 p. (in Russ.)
20. Pchelov, E.V. *Istoriya Ryurikovichev* [The History of the Rurikovich]. Moscow, Veche, 2012, 381 p. (in Russ.)
21. Pchelov, E.V. *Romanovy. Istoriya velikoj dinastii* [Romanov. The History of the Great Dynasty]. Moscow, Veche, 2013, 397 p. (in Russ.)
22. *Rossiya XVI v. Vospominaniya inostrancev* [Russia of the XVI Century. Memories of Foreigners]. Smolensk, 2003, 472 p. (in Russ.)
23. Fletcher, G. *Of the Russe Common Wealth. Or Manner of Governement by the Russe Emperor (Commonly Called the Emperour of Moscovia), with the Manners and Fashions of the People of That Countrey.* London, 1591, 232 p.
24. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. Ch. 2* [Collection of State Charters and Contracts, part 2]. Moscow, 1813–1819, 612 p. (in Russ.)
25. *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademiej nauk. T. 1* [Acts of the Moscow State, Issued by the Imperial Academy of Sciences, vol. 1], ed. by N.A. Popov. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1890–1901. (in Russ.)
26. Buganov, V.I. *Razryadnye knigi poslednej chetverti XV – nachala XVII v.* [Bit Books of the Last Quarter of the XV – Beginning of the XVII Century]. Moscow, 1962, 263 p. (in Russ.)
27. Belokurov, S.A. *Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya* [Bit Records for the Time of Troubles]. Moscow, 1907, 311 p. (in Russ.)
28. *Dnevnik Mariny Mnishek* [Marina Mnishek's Diary]. St. Petersburg, Izdatelstvo D.M. Bulanina, 1995, 204 p. (in Russ.)
29. *Psihologiya i psihoanaliz vlasti* [Psychology and Psychoanalysis of Power]. Samara, 2016, 816 p. (in Russ.)
30. Weber, M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie.* – 5., rev. Aufl.-Tubingen: Mohr, 1980. Kap. III. Die Typen der Herrschaft. P. 122–176 (kniga “Hozyajstvo i obshchestvo”. Ch. 1 “Ekonomika, obshchestvennoe ustrojstvo i vlast”. Gl. III “Tipy gospodstva i ih otnoshenie k ekonomike”) [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie. – 5., rev. Aufl.-Tubingen: Mohr, 1980. Kap. III. Die Typen der Herrschaft, pp. 122–176 (The Book “Economy and Society”, part 1 “Economy, Social Structure and Power”, chapter III “Types of Domination and Their Relation to the Economy”), *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological Research, 1988, No. 5.

31. Ushakov, D.N. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka: sovremennaya redakciya* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Edition]. Moscow, Dom Slavyanskoj knigi, 2008, 959 p. (in Russ.)
32. Shirokograd, A.B. *Portrety smutnogo vremeni* [Portraits of the Time of Troubles]. Rostov-on-Don, Feniks, 2013, 539 p. (in Russ.)
33. Vernadskij, G.V. *Moskovskoe carstvo* [The Moscow Kingdom]. Moscow, Lomonosov, 2019, 456 p. (in Russ.)
34. *Sochineniya knyazya Kurbskogo. T. 1. Sochineniya originalnye* [The Writings of Prince Kurbsky, vol. 1. Original Writings], ed. by G.Z. Kuntsevich. St. Petersburg, 1914. (in Russ.)
35. Shcherbakova, I.K., Nasonova, E.V. Zhenshchiny samozvancev i ih rol v istorii Rossii [Women of Impostors and Their Role in the History of Russia]. In: *Aktualnye problemy upravleniya — 2018* [Actual Problems of Management — 2018: Materials of the International Scientific and Practical Conference, iss. 3]. Moscow, 2019, pp. 101–103. (in Russ.)
36. Mordovcev, D.L. *Lzhedmitrij* [False Dmitry]. Moscow, Veche, 2020, 320 p. (in Russ.)

Щербакова Ирина Константиновна, кандидат исторических наук, кафедра социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, ikscherbakova@yandex.ru

Irina K. Shcherbakova, PhD in History, Sociology, Psychology of Management and History Department, State University of Management, ikscherbakova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.08.2023. Принята к публикации 15.09.2023

The paper was submitted 14.08.2023. Accepted for publication 15.09.2023